

УДК 811.161.1'06

**КОНЦЕПТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В АВТОДОКУМЕНТАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ:
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ¹**

© 2011 г.

Д.В. Минец

Череповецкий государственный университет

nietzsche666@mail.ru

Поступила в редакцию 10.09.2012

В статье рассматриваются письма Н.А. Захарьиной к А.И. Герцену 1835 – 1838 гг. Эпистолярный Захарьиной интерпретируется как способ построения «исторического женского «я». В работе описаны способы формирования и формулирования женской идентичности средствами эпистолярного нарратива. «Эго» (концепт идентичности) является центральной категорией автодокументального текста.

Ключевые слова: гендерный концепт, концепт идентичности, гендер, автодокумент, эпистолярный.

Автобиографичность – общая черта литературы, однако степень ее выраженности в том или ином произведении, в той или иной художественной системе решительно различна. Так, именно **автодокументальные жанры** со всей очевидностью несут в себе автобиографическое начало (обнаруживаемое достаточно легко) и **личностные** представления о тех или иных явлениях, сливая «жизнь с литературой воедино» [1, с. 131–146], являя тем самым способ «структуризации **собственного идентитета**» [2, с. 104].

В канале «Я – Я» (автокоммуникативная модель) происходит качественная трансформация процесса коммуникации, которая приводит к перестройке самого этого «Я»: передавая сообщение самому себе, «Я» внутренне перестраивает свою сущность, поскольку сущность личности можно трактовать как индивидуальный набор социально значимых кодов, а набор этот здесь, в процессе коммуникационного акта, меняется.

Таким образом, **любая коммуникация** в формате автодокумента становится **автокоммуникацией**.

Речь идет о моделировании автором собственных социокультурных ролей с помощью мемуарно/авто/биографического или эпистолярного текста, и продуктивность разговора о дневнике, мемуарах, автобиографии или просто эпистолярной в данном случае может идти лишь

в терминах большей / меньшей ориентации текста на субъект / объект повествования.

Автодокументальный текст – активная среда реализации специфических параметров категории идентичности, вербализующихся на разных уровнях языковой структуры. При этом «эго» (функционально-семантическая категория самости и концепты идентичности, ее реализующие) является центральной категорией автодокументального текста.

Категория самости – центр суммативной личности, который обозначает некоторую индивидуальность, имманентную идентичность, сохраняемую при всех изменениях окружающей среды, поддерживающую и воспроизводящую собственную структуру [3, с. 3]. «Я» выступает как «субъект сознания, психических явлений в интегральной целостности» [4, с. 133].

Категория самости является эгоцентрической категорией, поскольку основополагающим признаком эгоцентрических категорий является наличие имплицитного или эксплицитного «Я». Оно является главным в ряду лексем, названных Б. Расселом эгоцентрическими [5].

В нашей работе предпринимается попытка комплексного системного анализа категории самости как центральной функционально-семантической категории автодокументального текста и концептов идентичности, ее реализующих, на материале писем Н.А. Захарьиной к А.И. Герцену 1835–1838 гг.

При этом речь в данном случае в первую очередь идет не только о репрезентации человеком самого себя как мыслящего, чувствующего и деятельного субъекта, но и как существа определенного пола: гендерная идентич-

¹ Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.В37.21.0095 «Когнитивные исследования национальной концептосферы: язык, текст, культура».

Funding

The study was supported by The Ministry of education and science of Russia, project № 14.В37.21.0095.

ность как базовая структура социальной идентичности, подразумевающая осознание себя связанным с социокультурными определениями женственности/мужественности или неопределенности своего гендерного статуса, субъективное переживание своей гендерной роли [6, с.12].

При этом автор, документируя свою идентичность, в то же время моделирует ее: идентичность постоянно (ре/пере/де)конструируется в процессе письма. В этом смысле автодокументальный текст – не способ самоописания, а средство самоописания, «воспроизводства себя», и это один из мотивов, побуждающий людей писать такие тексты.

Специфика функционально-семантической категории самости и – как следствие – концептов идентичности, ее реализующих, в эпистолярном дискурсе Н.А. Захарьиной обусловлена следующими факторами – романтическими настроениями автора и поиском им собственной идентичности [7, с. 166], которые и оказались впоследствии весьма немаловажными причинами семейной драмы Герцена-Захарьиной.

Кроме того, эпистолярный как *субжанр автодокументалистики* (как жанровая разновидность автодокументальной литературы, как особая форма содружества литературы с жизнью) и как многогранная семиотическая система, «характеризующаяся конструктивной рамочностью – пространственно-временной ориентацией и обращением к адресату и подписью адресанта» [8, с. 8], так или иначе передает динамическую автохарактеристику.

Хронологическая последовательность писем с датировкой записей, фиксация и оценка событий, фактов, явлений в жизни адресанта и адресата являются теми особенностями, которые во многом соотносит эпистолярный с текущей речевой деятельностью.

Автокоммуникативная ситуация, моделируемая в эпистолярном тексте, характеризуется единицами, обладающими прагматической направленностью: эгоцентрические и экспрессивные лексические единицы, риторические вопросы, вопросно-ответные формулы, средства организации диалога и автодиалога. Они реализуют основную функцию – в том числе – автокоммуникации: письма как метатекста, характеризующегося жанровой саморефлексией (сознательное отношение к материалу, выработка принципов самовыражения; обнажение структуры, стремление показать, как построен текст, самоописание) и диалогизмом или полифонией (включение адресата в структуру письма; самостоятельность чужого слова в письме, несведе-

ние нескольких точек зрения к единой, аллюзийность, ассоциативность слова в письме как знак интимности, отсылка к общей памяти, структурирование собеседника-читателя) [9, с. 105–111].

Анализ писем Н.А. Захарьиной 1835–1838 гг. подтверждает эти причины: весь эпистолярный дискурс Н.А. Захарьиной являет собой не что иное, как идеализацию образа своего кузена и – впоследствии – возлюбленного.

Наталья Александровна Захарьина-Герцен (1814–1852) – двоюродная сестра, друг и жена Александра Ивановича Герцена. В этом смысле она не избежала участи многих других жен великих мужей (довлеющий ярлык массового сознания «жена писателя», позволяющий большинству исследователей трактовать ее личность как «часть» биографии известного мужа, а их досвадебную переписку как важный источник биографических сведений о самом А.И. Герцене).

Письма 1835–1838 гг. – наглядная демонстрация процесса осознания ею чувств к своему кузену и последующая эволюция ее женского статуса от кузины и друга до возлюбленной.

Наталья Захарьина – незаконнорожденная дочь дяди А.И. Герцена. Ей было 7 лет, когда умер отец, и она оказалась воспитанницей его сестры – княгини Хованской. Этот период жизни оставил в ней самые безрадостные воспоминания (замкнутость, одиночество, постоянные упреки и оскорбления со стороны княгини, книги, заменившие людей, – все это при чрезмерной религиозной экзальтации Захарьиной способствовало формированию ее романтической восторженности и мечтательности).

Экспрессия, характерная для женского дискурса, в текстах Захарьиной поддерживается синтаксисом: восклицательный знак – черта ее идиостиля. Выражение субъективной модальности в данном случае является гендерно маркированным: «*И я пишу к тебе, Александр, друг мой!*» [10, с. 13]; «*Мечта, мечта!..*» [10, с. 15]; «*Но не грозны для меня эти тысяча верст, если бы воля!*» [10, с. 17].

Распространенный способ актуализации эмоций – их вербализация с помощью эмотивных слов – так называемое *говорение «курсивом»* (концептуальная сфера «Эмоции»): «*Грустно без тебя здесь, Александр, ужас, как грустно!*» [10, с. 14]; «*Какой восторг! Какое восхищение!*» [10, с. 18]; «*Ах, ты воля моя, волюшка дорогая!..*» [10, с. 18]; «*О, дивная душа, тебе ли играть дружбой, тебе ли быть подобным людям?*» [4, с. 18]; «*О, ужасное время!*» [10, с. 22].

Женский дискурс актуализирует и обилие фигур мысли, в основе которых лежит семантический принцип контраста: «*В разлуке с тобой они одни [письма], как яркие звезды на мрачном небе, освещают путь мой...*» [10, с. 15]; «... скорее буду *послушницей, нежели княгиней*» [10, с. 15]; «*Пусть они доканчивают ничтожные дни свои ничтожно, а мне – далека я от всего этого*» [10, с. 15]; «*Мечта, мечта!.. а ты не велишь мечтать*» [10, с. 15]; «*Помню, ярко помню день нашего свидания и прощания; сказать тебе не умею, себе отчёта дать не могу в чувствах, волновавших тогда душу мою: небо и земля, рай и ад!*» [10, с. 14].

Как и любой гендерно маркированный (женский) дискурс, эпистолярный Н. Захарьиной испытывает непосредственное влияние внешних событий, происходящих с ее маскулинным визави: после заключения в Крутицких казармах Герцен был сослан в Пермь, а оттуда в Вятку. Дискурс Захарьиной этого периода (с июля 1834 г.) маркирован семантикой одиночества и неволи.

Концепт «одиночество» – определяющий основное настроение ее писем. В русской картине мира роль женщины ограничивается пространством дома [11].

Женская когнитивная субсфера эксплицирована концептами замкнутого, тесного пространства («угол», «погреб») и когнитивными метафорами статального характера («мрак», «холод», «сон»), следствием чего становится их гендерная маркировка: несвобода как неотъемлемый атрибут женственности: «*Июнь месяц, все жалуются на несносный жар, а для меня Москва – погреб, гадкий, душный погреб*» [10, с. 18]; «*Ты рассеян, тебе представляются все новые предметы, новые лица, ты смотришь на Пермь и иногда забудешь, что в уголке Москвы живёт Наташа, а я... мне все напоминает, что друг далеко*» [10, с. 14]. Обозначая свое местоположение, она пользуется диминутивной лексемой с семантикой неполноценности и ограниченности «уголок», предельно минимизирующей ее жизненное пространство.

Мужской пол (как пример – даже находящийся в ссылке Герцен), наоборот, становится репрезентом свободы. Мужская и женская когнитивные сферы обуславливают наличие семантической оппозиции «*свое / чужое*» и присутствие двух способов речевой организации в тексте: близость описываемого явления или события «мужскому» миру Герцена характеризуется позитивно-оценочным тоном повествования, к ее собственному – женскому – негативно-оценочным: «*Завтра, завтра мы в*

Москве! Для меня это все равно, что завтра мы в лесу, – и пусто, и немо для меня там все» [10, с. 33].

Эмоциональность, пронизывающая всю речевую деятельность человека, закрепляется в семантике слов, выступающих в качестве определителей его различных эмоциональных состояний – предикатов внутреннего состояния: «...*Сердце вянет, глядя на тех, чья жизнь, как сонная прудовая вода, хоть и в зеленых берегах она, хоть и покойна..., но что в ней? Не хочу жить такой жизнью я...*» [10, с. 216]; «*Представь себе дурную погоду, страшную стужу, ветер, дождь, пасмурное какое-то без выражения небо, прегадную маленькую комнату, из которой кажется сейчас вынесли покойника, три старухи, заснувшие за картами и пробуждающиеся для одной глупости, для блинов или для нелепого слова... И тут-то с ними-то проведи несколько часов, дней, месяцев... Я ничего не вижу, не замечаю, но не знаю, что заставляет иногда меня взглянуть на это, кровь леденет, мне кажется, я скоро задохнусь...*» [10, с. 314].

Постоянное ощущение одиночества и изоляция от внешнего мира провоцировали концентрацию внимания Н. Захарьиной на своих отношениях с Герценом, что позднее и привело к его идеализации и обожествлению и – как следствие – к стремлению отказаться от собственной личности и раствориться в нем: «... *В существе моем нет меня, я исчезла, в нем живет лишь Он и ты*» [10, с. 48]. Именно поэтому она начинает воспринимать Герцена совершенно по-особому, видя в нем и отца, и мать, и брата, чувствуя себя без него абсолютной сиротой [7, с. 167]. Даже Вятка, место его ссылки, кажется ей родной: «*О, как люблю тебя, родная Вятка, ты мне более столицы, в тебе я живу, в тебе все*» [10, с. 23].

Эпистолярный Н. Захарьиной – отражение женского гендерного стереотипа «ведомой»: свойственные женщинам сомнения в собственных силах / собственном статусе – следствие подобного предубеждения («я перед Ним»). Мужчина как концепт-персоналия при этом сакрализуется: «*Нет, зачем воспоминания о тебе помещать в эти черные часы? У меня есть часы святые*» [4, с. 42]. Именно он в ее интерпретации дал ей возможность «*познать прекрасное и высокое, заставил любить Творца, создание, жизнь и самое себя*» [4, с. 42].

Идеализируемый образ старшего брата постепенно приобретает черты божественного существа, общение с которым становится некоей небесной благодатью: «*Ко мне нет воззва-*

ния, – *твое слово, одно слово – для меня песнь вселенной*» [10, с. 51]. В этом смысле Н. Захарьина выступает в несвойственной ее гендерному статусу роли: «...романтическая культура непременно предполагала и требовала присутствия женщины в качестве прекрасной дамы, носительницы вечно-женственного начала и проч.» [12, с. 17]. Однако в статусе объекта поклонения в эпистолярной литературе выступает маскулинный субъект: именно в диалоге с женщинами, в их глазах мужчина выстраивал собственный грандиозный образ, образ романтического избранника [13, с. 43].

Эпистолярный дискурс Захарьиной в этом смысле андроцентричен (а по замечанию Л.Я. Гинзбург, «герценоцентричен» [12, с. 16–17]: письма как автобиографический текст Герцена, где Наталье Александровне отведена роль романтической героини), и концепт «мужчина» (читай: «Герцен») превалирует на всех уровнях языка (стандартизованная гендерная концептосфера патриархальной культуры и эпохи), а также в повествовательной структуре эпистолярных текстов (Н. Захарьина создавала кумира, ориентируя на него свою жизнь, однако позже, не выдержав ореола святости, этот образ был разрушен).

Общая коммуникативная стратегия ее писем – протест против существующих патриархальных конвенций, против принуждения жить по этим правилам: сам акт «писания» неблагоприятному кузену в этом смысле становится протестным (идея тотального контроля за жизнью женщины и особенно молодой девушки / сироты / воспитанницы в то время связывалась с «благодатью» мыслью о защите и «правильном» женском воспитании, сохранении от дурных влияний): «*Может быть, мне запретят брать перо в руки и тогда я совсем не буду писать тебе*» [10, с. 19]; «*А ты знаешь, что мне ужасно строго запрещено к тебе писать*» [10, с. 133]; «*...знаешь, что будет, если узнают? Княгиня запрет меня, и я не буду иметь возможности получать твоих писем, не только писать*» [10, с. 146]; «*Ужас, как неловко писать на коленях, да и пора вниз. А меня спрашивают, какое купить одеяло, белое или розовое, а не дают выбрать перо или иголку*» [10, с. 301].

Ее письма – это пространственные монологи, содержащие самоанализ и саморефлексию: писание писем превращается для нее в акт самоутверждения и самоидентификации. Наталья довольно-таки мало пишет о том, что происходит во внешнем мире, зато подробно анализирует свой внутренний мир, оттенки мыслей, чувств, ощущений. Но эти медитации, в отличие от дневникового или лирического текста, адресованы; для само-

познания и самодефиниции требуется адресат – другой – «ты». Наталья Александровна идентифицирует «я» только по отношению к адресату. А перечень гендерных ролей, которые предлагает Герцен, весьма ограничен:

✓ *патриархальная (Пигмалион – Галатея)*: он (как мужчина) Бог-создатель, творящий женскую жизнь и душу (идея развития и движения связывается сугубо с мужским началом): «*... В существе моем нет меня, я исчезла, в нем живет лишь Он и ты*» [10, с. 48]; «*В тебе, мой друг, заключается весь мир для меня, в тебе я молюсь, в тебе удивляюсь Создателю, в тебе боготворю природу – словом, я живу в тебе. Не правда ли, Саша, я создана только для того, чтоб любить тебя?*» [10, с. 57]; «*Александр, я расту с каждым днем, это я чувствую сама, многое мне становится ближе и яснее*» [10, с. 283];

✓ *романтическая (идеальная женственность)*: в бинарной оппозиции «земная жена, женщина // святая, чистая, непорочная Мадонна» Н.А. Захарьиной отводится роль последней, концептуальными маркерами которой становятся «абсолютная чистота», «невинность», «небесность» (письма А.И. Герцена предлагают ей следующие ролевые дефиниции: «мадонной» [10, с. 382], «голубица», «прелестный ребенок» [10, с. 297], «звезда» [10, с. 305], «небесный ангел» [4, с. 378], «лилея чистая, как снег» [10, с. 386]). Все они актуализируют семантические множители сверхидеальности и сверхъестественности, апеллирующие к моделям идеальной женственности (номинации лиц женского пола, являющиеся к тому же интертекстуальными элементами, традиционно трактуемыми общественным сознанием как эталоны женщин: Беатриче, Мадонна и пр.).

Н.А. Захарьина принимает предлагаемые ей роли: «ты» адресата приписываются черты Божества, он сакрализуется, идеализируется, общение с ним становится родом молитвы (эпистолярный дискурс Захарьиной начинает приобретать черты библейского): «*Ты мой создатель, ты мой отец!*» [10, с. 85]; «*Да, ты мой ангел, ты мой спаситель, ты отец мой, ибо ты дал мне жизнь, а до тех пор, пока ты не обращал на меня внимания, я была мертвая, неодушевленная, ангел, ангел мой*» [10, с. 128]; «*Я весь этот год буду приготовляться предстать перед тобою, как перед самим Богом*» [10, с. 132]; «*Боюсь, боюсь тебя, спаситель мой! Отец мой! Боюсь предстать недостойной дочерью перед тобою, брат мой, назовешь ли тогда Ты меня твоею сестрой? Ангел мой, достойная ли буду подруга твоя?*» [10, с. 240];

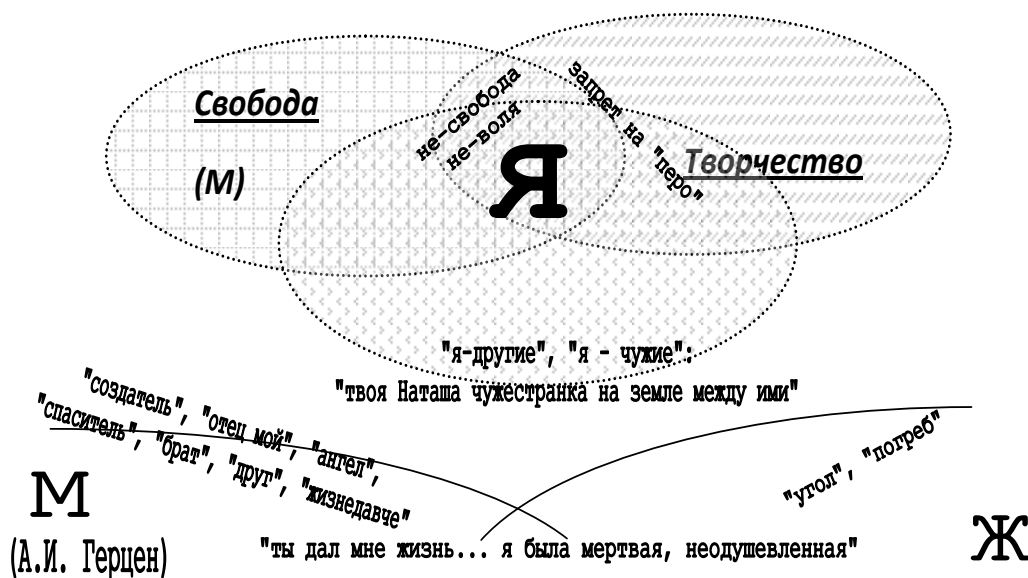

Рис. 1. Концепты идентичности в эпистолярном дискурсе Н.А. Захарьиной

«Ангел мой, как я постигаю чувства Девы Марии при благовестии Архангела! Это смирение, этот ужас, это блаженство!» [10, с. 255].

Номинации адресата – антропонимические маркеры молитвенного жанра: мужчина (А.И. Герцен) уподобляется Христу, Богу: он «спаситель», «отец», «жизнедавец» и т.п. Предстоящая и ожидаемая встреча с ним интерпретирована посредством концептуальных метафор процессуального характера евангельской семантики: «Преображение», «Воскресение», «Спасение».

Моделям собственной идентичности при этом намеренно придается семантика умаления и самоуничтожения: «Теперь уж, верно, ты получил мое мелкое писание и бранишь за него – ломать глаза над пустяками» [10, с. 17]. Собственное «Я» интерпретируется как отражение мужского «Я»: «...В существе моем нет меня, я исчезла, в нем живет лишь он и ты» [10, с. 48]; «...На мне ничего не видно, кроме твоего, во мне отражается одного тебя сияние» [10, с. 68]; «...Что во мне есть хорошего, это только то, что я умела постигнуть тебя, что душа моя стала ответом на одно воззвание души твоей. Словом, в себе я люблю тебя» [10, с. 53].

Письма 1835–1838 гг. функционируют в рамках одной концептуальной гендернороловой парадигмы: «творец – создание». Поиск собственной идентичности подчинен этой житнетворческой модели: абсолютное умаление и самоуничтожение: «...Когда рассматриваю всю мою жизнь, в ней ничего нет, кроме любви, никого, кроме тебя» [10, с. 546]; «Я – только пылинка на твоём божественном лице» [10, с. 125–126].

Но именно эта концептуальная гендерная модель (патриархальная) актуализирует вто-

рую – идеальной женственности: абсолютная идеализация мужского адресата создает и собственную высокую, абсолютную ценность, представление о собственной избранности (я – ничто только перед Ним, Герценом, ее Богом) и противопоставленности себя другим, земным людям – оппозиции «земля – небо», «дух – тело» играют огромную роль в самоописании и самоидентификации: «Ихнее счастье – это земля, перемешанная с золотом <....>, а наше счастье – это целое небо, и мы в нем недостижимы им как звезды...» [10, с. 140]; «Жалкие люди! <...> Да что такое они думают!? Пусть все, что хотят: звездам не слышен шум их, грязь не долетит до нас, как ни бросают они ее высоко, она упадет на их же головы...» [10, с. 141].

Центральным средством реализации функционально-семантической категории самости в данном случае становится личное местоимение множественного числа «мы», составляющее особенность конструирования авторской идентичности (*мы* = я + Герцен): в оппозиции «они – мы» ее «я» как часть «мы» получает высокий ценностный статус.

Центральный макроконцепт идентичности («эго») в письмах Н.А. Захарьиной имеет две различные вариации: а) *гендерную* («я» перед Ним, мужчиной) и б) *онтологическую*.

В конце переписки она рассказывает свою автобиографию как изначально другого, чуждого существа. Эпистолярный текст демонстрирует саморефлексию женщины, воплотившей в себе романтический идеал с извечным конфликтом между мечтой и действительностью, одиночеством, ощущением своей избранности, замкнутости в своем внутреннем мире.

Номинативное поле концепта идентичности (эго-концепта), априори выстроенное на общей оппозиции «я – мир» (в той или иной форме этот бинер пронизывает все рассматриваемые женские тексты), текстуально поддерживается ее частной вариацией «я – другие»: «...*Меня бросили вдруг в сорную яму, под ноги чужих во всем смысле этого слова*» [10, с. 538].

Собственная автобиография рассказывается как история девочки-изгоя: «*Друг мой, твоя Наташа чужестранка на земле между ими, ты ее родной, ты ее родина, а им безумная*» [10, с. 470].

В этом смысле «личный» жанр разумно интерпретировать не как аутентичный биографический документ, но как «часть художественного творчества». Соответственно, эпистолярный Захарьиной – способ построения «исторического женского «я»».

Таким образом, мы имеем дело с формированием и формулированием женской идентичности средствами эпистолярного нарратива [14, с. 38]: см. **рис. 1**.

Н.А. Захарьиной принимает предложенные Герценом модели женского «я». И далее процесс самоидентификации происходит через житнетворческий миф («творец – создание»), который в свою очередь оказывается связанным на текстовом уровне – со структурной целостностью эпистолярия: от дружественной переписки между двоюродными братом и сестрой до писем уровня бестелесного любовного братства и союза; от роли ребенка, сестры до «святой чистой девы» при мужчине – Отце и Учителе (концептуальные конструкции женственности, продиктованные мужчиной и не определяемые собственными желаниями).

Список литературы

1. Богомолов Н.А. Автобиографическое начало в раннем творчестве М. Кузмина. Статья первая: «XIII

сонетов», «Крылья», «Сети» // Блоковский сборник. Вып. XII. Тарту, 1993. С. 131–146.

2. Савкина И.Л. Я и Ты в женском дневнике (дневники Анны Керн и Анны Олениной) // Models of Self. Russian Women's Autobiographical Texts. Ed. by M. Liljestrom, A. Rozenholm and I. Savkina. Helsinki, 2000. С. 103–118.

3. Корепина Н.А. Языковая реализация функционально-семантической категории самости: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009.

4. Спиркин А. Г. Категории // Философский энциклопедический словарь / Под ред. Ильичева Л.Ф. М., 1983. С. 133.

5. Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы. Киев, 1997.

6. Агафонова Е.Е. Анализ проблемы идентичности в постмодернистском феминизме: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2010.

7. Виноградова А.Е. Письма Н.А. Захарьиной к А.И. Герцену 1835 года: к предыстории семейной драмы // Вестник Тверского государственного университета, 2010. № 21 (Филология). С. 166–168.

8. Ковалева Н.А. Русское частное письмо XIX века. Коммуникация. Жанр. Речевая структура: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002.

9. Паперно И.А. Об изучении поэтики письма // Ученые записки Тартуского государственного университета, 1977. Т. 420 (Метрика и поэтика). Вып. 2. С. 105–111.

10. Герцен А.И. Сочинения и переписка Н. Захарьиной: В 7 т. СПб., 1905. Т. 7.

11. Сергеева Н.М. Аспекты гендерной характеристики ментальной сферы человека в женской прозе XIX века [Эл. ресурс]. URL: <http://www.sofik-rgi.narod.ru/avtori/konferencia/sergeeva.htm> (дата обращения: 30.08.2012 г.).

12. Гинзбург Л.Я. Автобиографическое в творчестве Герцена // Литературное наследство. М., 1997. Т. 99. Кн. 1. С. 10–54.

13. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1971.

14. Строганова Е. Эпистолярный писательницы (Рец. на издание переписки Н.Д. Хвоцинской) // Новое литературное обозрение, 2003. № 63. С. 38.

15. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. М., 2000.

IDENTITY CONCEPTS IN AN AUTO-DOCUMENTARY DISCOURSE: THE GENDER ASPECT

D.V. Minets

The article considers the letters by N.A. Zakharyina to A.I. Herzen written in 1835 – 1838. Letters by N.A. Zakharyina are interpreted as a way of constructing a “historical female «I»”. The ways of formation and formulation of female identity are described by means of an epistolary narration. «Ego» (the identity concept) is the central category of the auto-documentary text.

Keywords: gender concept, concept of identity, gender, auto-document, letter.